

16 сентября 1993 года, буквально сразу после моего звонка о согласии вернуться в правительство, президент объявил о предстоящем назначении. Вообще-то предполагалось, что сообщение он сделает на запланированной ранее встрече с финансистами, но она по каким-то причинам не состоялась, вместо этого Борис Николаевич поехал в дачно-коттеджный поселок, объявил там. Получилось весьма инстинктивно.

Тем не менее указа еще не было, а я в тот вечер должен был улететь из Москвы на пару дней в регионы по делам избирательного блока «Выбор России». Решил до официального назначения поехать не отменять. В Ростове и Воронеже уже ждали люди.

18 сентября довольно поздно вечером позвонил глава администрации президента Сергей Александрович Филатов, сказал, что указ подписан, попросил срочно вернуться в Москву и по возможности сразу повидаться. Часам к двенадцати воскресного утра приехал к нему на дачу и здесь узнал, что президент принял решение приостановить работу Верховного Совета, объявить новые выборы и провести референдум по Конституции. Филатову поручено продумать политический сценарий предстоящих событий. Сергей Александрович сказал, что все это вызывает у него серьезное беспокойство. Спросил, какова моя точка зрения.

После того как Верховный Совет открыто проигнорировал ясно выраженную апрельским референдумом волю народа к продолжению реформ и отверг одну за другой все попытки найти между двумя ветвями власти разумный компромисс, неизбежность подобного решения была очевидной. Но выбранный момент не казался подходящим.

Важный фактор внезапности, неожиданности уже отсутствовал, и создать его в сложившейся ситуации не представлялось возможным. Именно такого шага лидеры неопределенной оппозиции от Ельцина ждали, к нему готовились. Более того — явно на него провоцировали. Ведь невозможно иначе, как сознательную провокацию, причем весьма точно учитывающую особенности характера Бориса Николаевича, расценить выходку Хасбулатова, который буквально накануне перед митингами телезрителей лично оскорбил президента. Хасбулатов сознательно хочет вывести Ельцина из равновесия.

Так я и сказал Филатову, что, хотя решение принято, что, хотя решение принято, с моей точки зрения, полезнее повременить, поддержать команду Хасбулатова в напряжении, заставить нервничать. Вряд ли стоит делать именно то, что ожидает оппозиция, и в тот момент, когда она максимально подготовилась.

К тому же ясно, что занять Белого дома, а значит реально приостановить работу Верховного Совета, что является важнейшей предпосылкой успеха, невозможно.

Филатов попросил меня позвонить Борису Николаевичу, объяснить с ним, поговорить по телефону. По телефону объяснил, что не одобряю этот шаг. Борису Николаевичу было трудно, но он согласился.

Буду думать о возможности которого даже не рассуждала из общих соображений, из интуитивного анализа сложившейся ситуации, готово было вот-вот превратиться в суровую реальность.

Идеологических сомнений, колебаний, раздумий о том, можно ли распустить наш парламент, к этому времени у меня уже не было. Очень долго,

на протяжении всего 1992 года, я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но за 1993 год твердо убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете совершенно беспроблемно поднимается маришальским, а люди, которые этим большинством управляют, не связаны никакими этическими границами, демократическими нормами и чрезвычайно опасны для страны. Речь идет о том случае, когда демократически избранный парламент сам становится максимальной угрозой для демократии. Такое, как широко известно, в истории уже случалось.

Планировавшийся президен-

цим правительство должно не мельтешить и нервничать, а работать. Запросил отчет по реализации плана действий правительства, информацию о нормативных документах, находящихся в работе, и тех, что застряли в аппарате. Данные о финансах. Начал приглашать министров, чтобы войти в курс ситуации в их системах, понять, где она наиболее тяжела. Незадолго до назначенного срока мне позвонил от президента, сказал: наша встреча перенесена на завтрашний день.

Утром 21-го узнал от Виктора Степановича Черномырдина, что он сам имел вчера долгий, трудный разговор с президентом, убеждал отложить реализацию плана, ссылался на мое

мнение. Но президент принял окончательное решение — указ будет оглашен сегодня вечером.

Почти сразу же позвонил президент, напомнил, что не сможет принять и сегодня... Было ясно, что он знает, о чем я собираюсь вести речь, не хочет тратить время на обсуждение решенного им вопроса. Все же я считал себя обязанным высказать свое мнение, привести аргументы. В какой-то момент мне показалось, что он заколебался, помолчал, еще раз взвешивая все известные ему «за» и «против», потом сказал: «Нет, все. Решение принято. Обратного хода нет».

Итак, до обнародования указа оставались считанные часы, развитие событий вступило в стадию форсажа. Теперь очень многое зависело от организации, координации действий. К сожалению, надежды, что они окажутся на должном уровне, у меня не было.

Дело ведь не только в организаторских способностях того или иного человека. Чрезвычайно сама ситуация, которая неизбежно наложит свой отпечаток на все, в том числе и на способность людей. Слишком многие захотят уйти от ответственности, избежать необходимости принять решение, исполнить, заболеть, не сделать, не понять и т. д. И это будет происходить в самое трудное время, причем на всех уровнях, на всех ступенях государственной машины. И ее затрясет так, что взлетит мотор и руль будет рваться из рук, будто песон сыпанули в масляный картер...

Приближается время, когда президент появится на экранах телевизора. Ясно, что силовыми структурами займется он сам. Есть, однако, множество вопросов, которые могут оказаться весьма важными. Претендент В. Шурин, С. Шарая, А. Чубайс, А. Козырев, Ю. Яров. Набрасываем план первоочередных действий. Настроение тревожное, но рабочее. Несколько поддален С. Шарай, его мучают тяжелые предчувствия. Верховный Совет останется в Белом доме, значит — неминуемое поражение.

Общие контуры ситуации на ближайшие часы были легко предсказуемы. Верховный Совет отказывается разойтись,

Совета ввести смертную казнь для «особо опасных пособников» президента, Виктор Степанович пересматривает свое решение по поводу отключения в Белом доме телефона.

Приносит заявление министра внешнеэкономических связей С. Глазьева. Подает в отставку. Для меня лично — неожиданная и неприятная новость. То, что В. Баранников при случае изменит президенту, честно говоря, ожидал давно. Даже когда тот считался в окружении Ельцина одним из самых надежных и преданных. В его обращении с президентом всегда можно было подметить элемент «бюбачьей услужливости», вызывающий инстинктивное недоверие. Но Сергей Глазьев! Парень нашего поколения, в об-

Глазьев, лучше дружки подождет на роль премьера?

Хотел бы ошибиться, но, к сожалению, не исключаю, что именно такой неумудренный ход мыслей увел его в противоположный лагерь, а затем, после декабрьских выборов 1993 года, выдвинул на роль одного из лидеров коммуно-националистического блока в Думе.

Кроме С. Глазьева, все министры продолжают нормально работать. Контроль за федеральными системами сохранен. Срочно отозванный из отпусков мой коллега, первый вице-премьер О. Сосковец, возглавляет работу оперативного штаба правительства.

Штаб заседает ежедневно два раза — утром и вечером. Общая картина развития ситуации в первые дни достаточно благоприятна. Указы Руцкого производят, скорее, комичное впечатление. Попытки вновь назначенных министров давать указания малоэффективны. После дня колебаний подавляющее большинство местных администраций демонстрирует лояльность. Общество в целом воспринимает произошедшее без энтузиазма, с определенной тревогой, но и с пониманием. Теперь нужно развивать успех, главное, втянуть оппозицию в процесс новых выборов.

К сожалению, спустя несколько дней ясно: ощущение относительного спокойствия — кажущееся. Положение начинает быстро осложняться. Белый дом не занят, сохранен как мощный центр сосредоточения оппозиции, и она с максимальной энергией начинает осуществлять свой сценарий: непрерывными и нарастающими по масштабу провокациями дестабилизировать обстановку и как можно скорее добиться, чтобы пролилась кровь. Чем больше — тем лучше.

В Белом доме — большое количество оружия. Его раздадут щедро, кому попола, но прежде всего, конечно, стянувшись сюда из разных концов страны боевикам.

И вот, наконец, желанная цель почти достигнута, первая кровь пролита. Попытка захвата штаба Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Двое убитых, есть раненые.

Правительство вынуждено принимать контрмеры, усиливать оцепление вокруг штаба, теперь предельно опасным Белого дома, подтягивать дополнительные силы ОМОНа и милиции. Вынужденная днем и ночью мчаться в оцепление, усталая милиция — прекрасный объект для работы агитаторов оппозиции, и для провокации.

Теперь правительство — в положении обороняющегося: вынуждено менять войска, обещать порядок... Пока нет возможности активными действиями переломить ситуацию в свою пользу. На заседаниях правительственного оперативного штаба заместитель министра внутренних дел докладывает, что его люди устали, среди них оппозицией активно ведется агитация. Необходимы свежие силы. Представители Министерства безопасности, от которых в первую очередь идет информация о том, что происходит в Белом доме, о возможных провокациях, рассказывают, как вчера во столько-то часов и минут к кольцу оцепления подошли два агента иностранной разведки и что один из шведских дипломатов сказал дипломату французскому...

Оппозиция организует митинг, демонстрации. Они не слишком многочисленны, зато очень агрессивны.

Окончание следует.

Егор ГАЙДАР

Красная осень 93-го

I.

Срочно избежать силовых столкновений, провокаций, сохранить спокойствие и порядок и как можно быстрее разворачивать «обратную» мапацию — фактически окружных и учредительных комиссий, выдвигание кандидатов... Есть надежда, что можно избежать столкновений в Белом доме: депутаты просто не успевают реагировать в свои округа, вступают в предвыборную борьбу.

Срочно договариваться, что по-прежнему оставаться в таком состоянии событий лидеры оппозиции. Выборы они бояться как черт лада, что на них не хотят. Если нам для победы нужны порядок и стабильность, им — напряженность, драма, очень желательна — драма. Значит, главная их задача — сделать противостояние максимально острым, решение вопроса — чисто силовым. А всевозможные беспорядки, хаос, анархия — вот шанс оппозиции на победу. При такой обстановке, заданном реальным раскладом сил, ясно, что в Верховном Совете с каждым днем, точнее, с каждым часом, самое крайнее, экстремистское крыло будет получать все больший и больший вес окончательно подминает остатки умеренных и «центристов».

Завезя в Черномирдину, показал набросанный нами план чрезвычайных действий. Он его поддержал, временно отказавшись лишь от команды отключить связь в Белом доме: рано, ведь тогда придется отключить много жилых домов.

Получаем первые сведения о действиях парламента. Все, как прогнозировали. Руцкой — президент, он выступает с горячей речью, принимает на себя ответственность за страну. Им назначены новые министры силовых ведомств: В. Анапов, А. Дунаев, В. Баранников. Расчет понятен: у всех из них в златых ведомствах свои люди, десятки или сотни итотом связывают их с лично преданными им людьми в армии, в МВД, в КГБ. Неожиданно осталась вакантной должность нового премьера. Доходит непроверенная информация, что А. Руцкой хотел предложить ее Ю. Соскову, который в апреле был смещен с поста секретаря Совета безопасности. Однако Сосков вроде залег на дно.

Узнав о решении Верховного

48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

Во вторник, 28 сентября, возникла идея: представителями президента и правительства провести на местах межрегиональные совещания глав администраций и председателей советов. Ознакомить с обстановкой, настроениями, ободрить, успокоить. Дать ориентиры. Мне — дальневосточный регион. 30 сентября вылетают в Хабаровск.

Общие ощущения: все ждут, чем закончится дело в Москве. Сейчас считают, что президент сильнее, и сохраняют по отношению к нему полярность. Областные советы пока что вряд ли готовы ввязаться в решительное противостояние, они, скорее, нейтральны. Недавно избранный глава администрации одной из дальневосточных областей, приглашенный 22-го на верность Рудкову, кружит возле меня, заглядывает в плечо, говорит, что оплеветали...

В целом серьезной поддержки в регионах, на которую можно было опереться парламентское большинство, нет. Вопреки повторяющемуся почти во всех комментариях утверждению «исход противостояния решится в регионе», укрепляясь в своем убеждении: в России судьба выборов и войн действительно решается в регионах, но судьба революции и переворотов — в столице. Запелет в Комсомольск-на-Амуре, побывав на оборонных предприятиях, расхлебывающих плоды недальновидной политики нынешнего года — широких обещаний и скудного финансирования, — возвращаюсь 2 октября в Москву. Узнаю, что здесь ситуация продолжает обостряться.

Соглашение о подключении Белому дому воды, электроэнергии и связи и одновременной сдаче находящегося там оружия парламентом деэвакуировано. Но, как уже не раз бывало, сам факт достижения такого соглашения возбудил оппозицию. Она, воспринимая это как признак слабости президентской стороны, воспрянула духом, наращивая требования. Попытки переговоров при посредничестве патриарха — в тулице. На Смоленском бульваре — в баррикадах.

Все равно не вижу иной разумной тактики, кроме тон, которая избрана с самого начала: избегать провокаций, не противопоставлять в выборы. Но наполненное оружием и боевиками здание Верховного Совета похоже на заложенную в центре страны гигантскую мину, способную разрушить государство. Из отрывочных сведений складывается картина, что теперь именно боевики, а не официальные парламентские руководители, — ключевая сила в Белом доме.

В воскресенье, 3 октября, утром — совещание у президента. Присутствуют В. Черномырдин, С. Филатов, О. Сосковец, В. Шумейко, О. Лобов, С. Шахрай, П. Грачев, В. Брин, еще несколько человек. Обсуждаем итоги выездов в регионы, откуда многие только что вернулись.

Разговор довольно спокойный. Примерное резюме всех сообщений: пока контроль над основными федеральными структурами сохранен, масштабных акций не планируем, беспорядки в регионах не организовывать, региональные власти будут лояльны, выборы пройдут.

Ситуация в Москве конкретно не обсуждается. Информацией о том, что оппозиция именно на сегодня запланировала переход к активным действиям, Министерство безопасности или не владеет, или решило с президентом и правительством не делиться.

После совещания поехал из Кремля к себе, на Старую площадь. Часов примерно в 16 позвонил Алексей Головкин, в 1992 году — моя правая рука, руководитель аппарата правительства, а теперь — один из главных организаторов «Выбора России». Только от него, а не от служб получил информацию о крупных беспорядках в Москве, о прорыве оцепления, о разоружении части милиции, о начале штурма мэрии.

То, чего так опасались, случилось. Оппозиция все же удалось перевести ситуацию противостояния в открытую борьбу, в форсированное, чисто силовое

русло. Значит, время политических маневров кончилось. Теперь все решат собранность, организованность, воля к действию, натиск. Спλοхну новой гражданской войны, казалось, уже пизал небо над столицей России.

Позвонил Брагин, председатель телерадиокомпании «Останкино», сказал, что, по его сведениям, колонна грузовиков и автобусов с боевиками мигиет от Белого дома к телецентру. Просит организовать оборону...

На этот раз моя сфера в правительстве — только экономика. Находясь в моем распоряжении вооруженные силы — три парней, три охранника, работавшие со мной еще во время премьерства. Четвертый, их только что назначенный новый начальник, оказывается, как сквозь землю. Вмешиваться в управление войсками у меня нет полномочий. Да и сообра-

жно: деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженная сила, выставленная оппозицией, вот-вот проложит безотчетным и опасным экстремистам дорогу к власти в России, — такая ситуация поставила во весь рост вопрос о необходимости поднять армейские части.

Но дойдут ли теперь приказы, будут ли они выполнены, не получится ли, что, как в августе 1991 года, армейская машина просто откажется сдвигаться с места, будут лишь рапорты и показная активность? Уверенно ответить на такой вопрос не мог тогда никто, думаю, не исключая министра обороны и президента.

Оппозиция метко выбрала точку главного удара. Ее лидеры правильно оценили потенциал телевидения — самого, пожалуй, мощного в складывающейся обстановке силового ведом-

аугсте 1991-го и в апреле 1993-го, ясно показавшего, что он выбрал свободу.

Ситуация на 20 часов. Штурм «Останкино» продолжается, боевики оппозиции захватывают объекты, силы МВД деморализованы, армейские части на помощь не подходят, активности президентской стороны нет. Оппозиции почти удалось создать впечатление массовости своего движения, излопид президента, отсутствия у него сторонников. Все это начинает морально разоружать тех, кто готов прийти на помощь.

Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой. В первую очередь звоню Шойгу, председателю Комитета по чрезвычайным ситуациям. Знакомы с 1992 года, вместе тогда бывали в горячих точках, знаю его как смелого, решительного человека, на которого можно опереться в такую мину-

тое выступление по радио для «Эха Москвы», беру с собой Аркадия Мурашова, коллегу по «Выбору России», бывшего начальника московской милиции. Пригодится.

Москва — пустая, ни милиции, ни войск, ни прохожих. В машине слушаем по радио победные реплики оппозиции побеждаем, точнее, уже победители, теперь никаких компромиссов, никаких нулевых вариантов, пришел последний час эльцинцов...

Подъезжаем к Российскому телевидению. Вход забаррикадирован. После долгих и настоятельных переговоров моей охраны и охраны телевидения нас наконец пропускают. Пощады очень нехватает. После штурма «Останкино» ждет нападения боевиков. Не может понять, почему не присылают реальных сил для защиты. Ведь здесь больше неспящих минут не продержаться. Пока разговариваем, проходит информация,

ны, стоять нужно здесь», большой массой, не расформировавшись пока по Москве, необходимо сразу начать организовываться, формировать дружины, которые при необходимости смогут поддержать верные президенту силы...

Главный вход в Моссовет закрыт. С трудом, в обход, перелезаем через баррикады, пробираемся в здание. Прошу Мурашова напасть связь между нашими дружинниками и милицией. Еще недавно дом частично контролировала оппозиция. Группа депутатов Моссовета пыталась организовать здесь один из ее штабов, но теперь оно очинено людьми Ю. Лукюкова. Сам он охвачен, возбужден, даже весел. Говорит о необходимости решительных действий, которые бы позволили уже ночью перепомнить ситуацию. Видно, что Моссовет теперь надежно прикрыт, отсюда нас так легко, как из мэрии, не выбить.

Сознание с В. Черномырдиным, рассказываю об обстановке в центре столицы, спрашиваю, что известно о подходе войск. В целом картина неопределенно-тягучая, но порыв оппозиции, кажется, начинает выдыхаться.

Еще раз выстулаю у Моссовета и на машине — к Спасской башне. Здесь настроение более тревожное: темно, почти нет организованных людей. Ко мне подходит поповник в отставке, представляется, просит указания, помощи. Там, у Моссовета — сплочение. Здесь — покаяний, наше уязвимое место. Выстулаю, потом принимаю меры, чтобы прикрыть собравшихся у Спасской башни.

У меня в кабинете А. Чубайс, Б. Салтыков, Э. Памфилова, С. Васильев, А. Улюкаев и много других. Мадно расспрашиваю, какие новости, что произошло за время моего отсутствия. Но информации до обидного мало. Прошу министров отправиться на митинги, выступить, поддержать настроение москвичей.

Около получаса ситуация в городе наконец начала меняться. Сторонники президента выходят из состояния оцепенения и растерянности, приступают к действиям.

К этому времени абсолютно уверен, что власть в России в руки англофобов и бархазинцев не отдадим. Даже если и утру руководство МВД не удастся привести в порядок свои силы, а армия останется пассивной. Тогда раздам оружие демократическим дружинникам и будем решать вопрос сами. В том, что сможем это сделать, сомнений нет. Но это, конечно, вариант самый нежелательный и тяжелый.

Около часа звоню президенту. Говорю, что по моему мнению, ему стоило бы встретиться с военными. Они должны его видеть, лично от него получить приказы. В противном случае оставят риск, что армия так и не начнет действовать.

В половине шестого утра президент переозвонил, сказал, что с военными встретится.

5 октября радикальная оппозиция сокрушена, порядок в Москве восстановлен, регионы демонстрируют подтвержденную лояльность, угрозы гражданской войны больше нет. Но политические проблемы отнюдь не решены, больше того, по ряду направлений они усугубились.

Егор ГАЙДАР

Красная осень 93-го

II

Завтра «Останкино», обращение с телеэкрана Рудкова создали бы атмосферу, в которой колеблющиеся и в Москве, и в регионах могли бы послушно присягнуть победителям. И от всего страшного для России, что могло произойти вслед за этим, Россия отделила бы горстка бойцов ершиного «Витязя».

И вот телеэкран «Останкино» гаснет. Значит, дела совсем плохи. На 19.30 Черномырдин назначил заседание правительства. Но оно почему-то никак не начинается. Министры перемещаются с ноги на ногу около дверей Малого зала на пятый этаж, вполголоса обмениваются информацией. Или, может, теперь слушают? Вот говорит, что вроде занят Дом радио возле Смоленской площади, и еще что-то у министра связи захватили... И какой-то объект у министра топлива и энергетики... Неважно представляется знакомая до сих пор лишь по мемуарам атмосфера последнего заседания Временного правительства 25 октября 1917 года.

Большее всего удивился сообщению о захвате осударственного пятого этажа, багуют растерянные работники аппарата. Один подсказывает ко мне: «Ну вы же понимаете, что все кончено! В течение часа они захватят здание».

Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. Спросит на случай блокады здания правительства поехать в Центральный банк. Поручаю это первому заместителю министра финансов А. Вавилову, а сам информирую премьера, что отправлен на Российское телевидение, буду просить о поддержке, потом поеду к Моссовету.

До отъезда успеваю в своем кабинете записать на пленку несколько слов. Да, «они» не прошли. Но эта история не кончилась. Хорошо, что принята новая Конституция, которая наконец-то четко разделила полномочия властей. Хорошо, что после ликвидации путинского режима все политические и гражданские права. Но «они» и сейчас не успокоились.

Шестнадцатого сентября лидеры «непримиримых» собрались в Калининграде. Хотели выбрать одного лидера — из этой затеи, ясно, ничего не вышло.

Зато обсудили, как «отметить» годовщину 3-4 октября. Конечно, каяться перед Россией, москвичами, да и своими сторонниками, которых они как пушное мясо гнали на убой (напомним, погибли 150 человек, но, по счастью, ни один депутат не пострадал и не один не покаялся), — не намерены. И в голову не приходит.

Зато авторы «растрельного указа» Бабурин, Рудков, Проханов и К' торжественно призывают кого-то «принять меры по предотвращению 4 октября любых провокаций, столкновений и массовых беспорядков». Если они обращаются к самим себе — что ж, пусть поздно, чем никогда.

Но вот беда — а том же номере газеты «Завтра», где это напечатано, опубликована беседа Проханова с «древнерусским витязем, бесст-

та. Прошу доложить, какое оружие в подведомственной ему системе гражданской обороны имеется в районе Москвы и, на случай крайней необходимости, срочно подготовить к выдаче 1000 автоматов с боезапасом. По голосу чувствую: переминает, прекрасно понимает огромную ответственность. Вместе с тем ясно — поручение выполнит.

Связываюсь с Виктором Ериным. Говорю: если не призовем народ, дело, по-моему, кончится плохо. Он согласен, обещает помочь всем, чем будет в состоянии. Звоню президенту, советуясь. Он тоже согласен. Нужна организующая сила, те, кого в первую очередь придется вооружить, если действительно дело дойдет до крайности. Даю команду А. Долгорукову сосредоточить свои дружинников к Моссовету. Прошу крупных предпринимателей, имеющих свои охранные структуры, по мере сил поддержать обученными людьми.

Иду в кабинет премьера. Рядом, по коридорам самого центрального, обычно очень чистого пятого этажа, багуют растерянные работники аппарата. Один подсказывает ко мне: «Ну вы же понимаете, что все кончено! В течение часа они захватят здание».

Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. Спросит на случай блокады здания правительства поехать в Центральный банк. Поручаю это первому заместителю министра финансов А. Вавилову, а сам информирую премьера, что отправлен на Российское телевидение, буду просить о поддержке, потом поеду к Моссовету.

До отъезда успеваю в своем кабинете записать на пленку несколько слов. Да, «они» не прошли. Но эта история не кончилась. Хорошо, что принята новая Конституция, которая наконец-то четко разделила полномочия властей. Хорошо, что после ликвидации путинского режима все политические и гражданские права. Но «они» и сейчас не успокоились.

Шестнадцатого сентября лидеры «непримиримых» собрались в Калининграде. Хотели выбрать одного лидера — из этой затеи, ясно, ничего не вышло.

Зато обсудили, как «отметить» годовщину 3-4 октября. Конечно, каяться перед Россией, москвичами, да и своими сторонниками, которых они как пушное мясо гнали на убой (напомним, погибли 150 человек, но, по счастью, ни один депутат не пострадал и не один не покаялся), — не намерены. И в голову не приходит.

Зато авторы «растрельного указа» Бабурин, Рудков, Проханов и К' торжественно призывают кого-то «принять меры по предотвращению 4 октября любых провокаций, столкновений и массовых беспорядков». Если они обращаются к самим себе — что ж, пусть поздно, чем никогда.

Но вот беда — а том же номере газеты «Завтра», где это напечатано, опубликована беседа Проханова с «древнерусским витязем, бесст-

то оппозиция заняла здание ИТАР-ТАСС.

Еще раз связываюсь с Ериным, прошу хоть кем-нибудь прикрыть Российское телевидение. Теперь и сам вижу, что обороны никакой, обещает что-нибудь придумать.

Перед выступлением уже перед объективом телекамеры попросил на минутку оставить меня в студии одного. Как-то вдруг схлынула горячка и навалилась на душу тоска и тревога за тех, кого вот сейчас позову из тихих квартир на московские улицы. И все же выхода нет. Ведь кто-то же обязан сделать это и принять ответственность на свои плечи.

После тепеобращения — к Моссовету. Еще недавно мы проезжали мимо. У подъезда стояла маленькая кучка дружинников. Теперь — набулавоженный полкомом ручейками, а вскоре и потоками сверху от Пушкинской, из «Москвы» площадь заполняется народом. Вот они — здесь! И уже строят баррикады. И уже разнижают — ночь холодна — костры. Знают, что происходит в городе, только что введены на экраны телевизор бой у «Останкино». Костры, власть, демократы, наверное, и меня в том числе, ругают за то, что не сумели, как положено, не подвергая людей опасности, не отрывая их от семьи и тепла, сами справиться с угрозой... Справедливо ругают. Но идут и идут к Моссовету.

Шойгу выполнил поручение. Новенькие автоматы скоро подвезут, и офицерские десятки, готовые в случае нужды взять их в руки, уже строятся возле памятника Долгорукову... Но это — на крайний случай.

Выстулаю от памятника Ю. Долгорукову, сообщая, что от «Останкино» боевики отброшены.

рашным офицером» Рудким. И вот что говорит этот герой, а ныне миротворец — мы виноваты в том, что «...чрезмерно увлеклись «парламентскими» формами, бездумным повторением заклинившего типа «наша главная сила в законе», забыли о том, что реальная оппозиция должна в первую очередь опираться на массы и только на них. ...Мы не сумели в решающий момент обеспечить эффективного сочетания парламентских методов с массовыми выступлениями за стенами Дома Советов не только в Москве, но и по всей России, не смогли направить вырвавшуюся на московские улицы энергию стихийного волеуказания людей в регулируемое, тщательно выверенное и наиболее эффективное русло».

Не смогли эффективно организовать гражданскую войну — в Москве и по всей России! Вот о чем сегодня скорбит генерал. «Я уже убежден в справедливости старой истины: «Отказ от борьбы деморализует больше, чем поражение».

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

«...Нам надо было более решительно, целенаправленно и энергично выступить...» До тех пор, пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.